

Л. Н. Сулова

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ МОЛИТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Культовыми центрами старообрядчества на территории Тобольской губернии в XIX в. являлись молельни и часовни, достоверные сведения о численности и функционировании которых практически отсутствуют. Объяснить это можно противодействием староверов сбору таких данных. Сведения о них носят отрывочный характер и содержатся, главным образом, в разнообразных следственных материалах Тобольской духовной консистории, губернского правления, миссионерских отчетах и периодической епархиальной печати¹. Привлечение и анализ этих источников позволяет составить общую, хотя и далеко не полную картину положения старообрядческих молитвенных зданий на протяжении XIX в.

За все время существования раскола положение старообрядческих скитов и молелен не отличалось стабильностью. В 1734 г. (10 июня) старообрядцам было запрещено вновь строить часовни (вместо старых). 13 мая 1745 г. был принят закон, запрещающий раскольникам основывать скиты, обители². С воцарением Екатерины II староверы получают некоторые льготы, в том числе право строить молитвенные дома и основывать скиты. Правда, указами 21 июля 1768 г. и 6 апреля 1778 г. старообрядцам не дозволялось строить раскольнические церкви и часовни и иметь при них колокола. Однако в 1788 г. (21 июня) старообрядцам вновь было разрешено иметь церкви и отправлять в них служение³. Относительно лояльное направление политики по отношению к староверам сохранялось в период правления Павла I и Александра I и изменилось только при Николае I. Однако некоторые запретительные меры принимались и в первой четверти XIX в. Обвиняемые в «публичном оказательстве раскола» старообрядцы – владельцы молитвенных зданий подлежали наказанию, а часовни разрушались. В 1809 г. была разобрана часовня в д. Ировской Абацкой слободы Ишимского округа, построенная на рубеже XVIII – XIX вв. крестьянином Герасимом Сысовым, в которой «было устроено разных икон немалое количество во всю восточную стену, на полках наставленных, два клироса и два наложия и крест, по-видимости медной литой позолоченной, при том книги: псалтырь следованная, два правиль-

ника и называемой налойной часослов)». В часовню собиралось «немалое число разных деревень крестьян мужского и женского пола на богомолье». В числе посетителей часовни был и голова Камышевской волости Ефрем Панов. По обвинению в «отвращении многих людей от православной церкви», совершении таинств исповеди и отпевания Герасим Сысоев был осужден. При этом тобольский ахриепископ Амвросий настаивал на разрушении часовни с последующей «отдачей леса на потребность церкви»⁴. Аналогичные случаи произошли и в других округах Тобольской губернии.

Со второй четверти XIX в. постепенно были отменены льготы, дарованные раскольникам Екатериной II относительно строительства молитвенных домов. В ноябре 1817 г. было принято постановление, по которому раскольники лишались права возводить «для своих нужд» церкви, часовни и молитвенные дома. 17 сентября 1826 г. и 5 июля 1827 г. оно было дополнено: разрешалось без изменений оставлять здания, построенные до 1826 г., но в дальнейшем строительство новых, как и переделка или возобновление старых молитвенных зданий запрещались. Эти нормы постоянно повторялись. Так, 28 апреля 1836 г. было вновь воспрещено обращать крестьянские избы в старообрядческие молельни и устраивать в молельнях престолы. Престолы же, устроенные в часовнях, существовавших «с дозволения закона», оставались без преследования. Положениями Секретного Комитета 21 ноября 1840 г. запрещено было производить колокольный звон на раскольнических часовнях, а 27 апреля 1841 г. было предписано снимать с них те колокола, которые висят на открытом воздухе. В 1842 г. (13 октября) было запрещено именовать раскольнические молитвенные здания церквями⁵. Раскольники, уличенные в заведении скитов, в построении новых или починке старых молитвенных зданий, устройстве престолов в существующих уже часовнях, а также за обращение крестьянских изб в публичные молельни подвергались тюремному заключению на срок от одного года до двух лет⁶. При этом, «все устроенное ими» подвергалось слому, а материалы продавались в пользу местного приказа общественного призрения.

Запретив старообрядцам строительство новых молитвенных зданий, правительство установило контроль за возведенными до 1826 г. Секретными предписаниями 26 февраля 1826 г., 24 октября 1835 г. и 10 марта 1836 г. МВД вменяло в обязанность начальникам губерний ежегодно к 1 января доставлять сведения о числе старооб-

рядцев, их церквей и часовен. Согласно собранным в 1835 г. сведениям, в Тобольской губернии числилось 19 старообрядческих часовен и молитвенных домов⁷. В 1839 г. были поданы сведения о 20 старообрядческих молитвенных зданиях: в Тюмени (6), Ишимском (12) и Ялуторовском (2) округах с общим числом прихожан 3501 человек. Однако в ведомостях за 1840–1841 гг. их число сократилось до 16, а в 1842 г. увеличилось до 31 за счет добавления сведений о восьми молитвенных домах в волостях Тюменского округа и трех молитвенных домах и четырех часовнях Курганского округа⁸.

Разительное расхождение в численности старообрядческих заведений вызвало определенный интерес в Министерстве внутренних дел. В 1843 г. министр внутренних дел потребовал разъяснения от тобольского губернатора, почему в Каменской, Фоминской, Успенской волостях Тюменского округа и Мендерской, Чимеевской, Утечьей, Салтосарайской и Моревской волостях Курганского округа показано 11 молитвенных домов и 4 часовни, не значащихся по ведомости за прошлые 1839–1841 гг. В ответ уездные власти отписывали причины несоответствия. Тюменский земский суд появление в ведомостях за 1842 г. данных о восьми молитвенных домах в Каменской, Фоминской и Успенской волостях объяснил «недочетом» волостных правлений, которые «следуя точному содержанию указов о составлении ведомостей о старообрядцах..., о числе раскольнических церквей, часовен, монастырей и скитов, ...не указал число молитвенных домов, не упоминаемых в законах». О них, в частности, сообщалось, что «эти молельни... принадлежат домохозяевам вместе с всегдашним с семействами своими жительством», а потому определить «точное время их устройства невозможно», так как располагаются «поквартирно, и в соответствии с величиной дома можно произвольно поменять их нахождение». Курганский земский суд объяснил появление неучтенных трех молитвенных домов и четырех часовен «недоставлением» сведений о них волостными правлениями в предшествующие годы. В Курганском округе два раскольнических молитвенных здания были названы церквами, тогда как по указу 9 ноября 1842 г., это было запрещено. Церквами, как впоследствии оказалось, были названы два единоверческих храма в Моревской и Белозерской волостях, записанные в ведомости «по вкравшейся ошибке». В число старообрядческих часовен и молитвенных домов города Тюмени в ведомостях 1839–1841 гг. также была включена единоверческая часовня инока До-

рофея с принадлежащими к ней 218 прихожанами обоего пола, что противоречило секретному предписанию МВД от 5 мая 1840 г., по которому подлежали учету лишь молитвенные здания раскольников, каковыми единоверцы не считались. Таким образом, более достоверными являются данные за 1842 г., поскольку учитывали молитвенные дома более ранних переписей, в том числе и показателями 1840 г. Следовательно, по количеству молитвенных зданий Тобольская губерния не уступала соседним, в частности Пермской, где было учтено 29 заведений, и Томской с 28 молельнями⁹. Всего по империи, по официальным данным за 1840 (1841) г., действовало 48 (38) старообрядческих церквей, 854 (813) часовни, 20 монастырей и 36 (26) скитов, что составляло 958 (901) старообрядческих молитвенных зданий. Таким образом, учтенные властями молитвенные заведения староверов Тобольской губернии составляли в 1840–1841 гг. 3,2 (3,4) % от общего их количества.

Относительная неприкосновенность со стороны властей старообрядческих часовен, построенных до указа 1826 г., часто нарушалась в связи с образованием единоверческих приходов, для более эффективной организации которых, учитывая трудности строительства новых церквей и тот факт, что единоверцы были вчерашними старообрядцами, правительство считало возможным изъятие их у старообрядческих обществ. Это вносило существенные осложнения во взаимоотношения между представителями различных старообрядческих толков. Оставшиеся в староверии, как правило, проигрывали споры, связанные с конфискацией их молитвенных зданий.

Часть жителей д. Сосновки Новогайской волости Ялуторовского округа, принадлежавших к стариковщине, перешла в конце 40-х гг. XIX в. в единоверие. Поскольку и староверы, и единоверцы в равной мере участвовали в оснащении и организации часовни д. Сосновки, спор по поводу прав собственности, был вынесен на судебное разбирательство. По приговору губернского суда в 1840 г. старообрядческая часовня в д. Сосновке была передана единоверцам вместе с утварью и книгами. Проигравшие дело старообрядцы после объявления им приговора «сочли себя недовольными», отказались подписать приговор и самовольно разошлись по домам. Известно, что выигравшие спор единоверцы через своего поверенного испрашивали разрешения в духовной консистории в июне 1842 г. на учреждение в их волости единоверческого прихода с принадлежащей им часовней, в которой просили «дозволить отправлять все

церковные службы, кроме литургии, с правом купить для повешения к оной, благовестный колокол»¹⁰.

В ряде случаев старообрядцам в результате длительных тяжб удалось отстоять свои молитвенные дома. Сохранившиеся дела позволяют назвать точные даты постройки этих молелен. В 1840 г. производилось следствие по поводу существующей в д. Окуновой Ишимского округа старообрядческой часовни и уклонения из единоверия в раскол крестьянина Клементия Каргаполова. Это совпало с кампанией учреждения единоверия в Тобольской губернии. Последовали обыски в домах старообрядческих наставников. Так, в доме Василия Каргаполова, который обвинялся в торговле раскольническими книгами в Ишимском округе, были изъяты 16 книг, приобретенные им во время поездки в Москву в 30-х гг. XIX в. на 2 тыс. руб. ассигнациями, собранных всей общиной. Целью его поездки было также «исходатайствовать дозволение не рукоположенному священнику исполнять требы по раскольническому обряду». В д. Старорямовой был арестован московский старообрядец Никитин без паспорта, отправлявший в часовне богослужение и торговавший старообрядческими книгами. Находясь под следствием, Василий и Клементий Каргаполовы, Никитин и некоторые другие старообрядцы д. Старорямовой и Окуновой вынуждены были присоединиться к единоверию. Комитет Министров в июне 1840 г. предписал губернскому начальству выяснить, когда именно построена эта часовня. По личному освидетельствованию ишимского земского исправника часовня имела вид «выстроенной с давнего времени». Кроме того, тридцать пять православных жителей соседних деревень, в возрасте от 25 до 70 лет, не бывших под судом под присягой подтвердили основание часовни примерно 38–40 лет назад, т.е. задолго до 1826 г. В Гагарьевском волостном правлении был найден документ, датированный 17 марта 1823 г. с грифом «секретно», в котором сообщалось о существовании двух часовен: в «д. Травной, выстроенной в 1803 г. из соснового леса, и в д. Окуновой, выстроенной в 1803 г. из березового леса» и моленного дома в д. Гагарьем Мысу в 1803 г. Давнее существование старообрядческой часовни подтвердил и причт Николаевской церкви с. Казанцева, добавив при этом, что она «для православия служит соблазном, а для них (старообрядцев. – Л. С.), при свободном отправлении молитвословия, небоязненным укоренением в заблуждении». В итоге часовня в д. Окуновой была оставлена «в непри-

косновенности», о чем 9 июня 1845 г. было доложено министру внутренних дел¹¹.

Однако из других источников мы узнаем, что под влиянием Тобольской консистории и при активном участии единоверческого духовенства и земских властей часовня д. Окуневой вместе с утварью и книгами в 1844 г. была все-таки отдана в распоряжение единоверцев, принадлежавших к Травнинскому приходу. Старообрядцы Ишимского округа не прекращали борьбу, но многократные прошения губернскому начальству (в октябре 1844 г., 17 марта 1845 г.), генерал-губернатору Западной Сибири (12 февраля 1845 г.), не изменили ситуации. Более того, в феврале 1846 г. старообрядцы д. Окуневой, Старорямовой и двух других деревень Ишимского округа были вызваны в Укузское волостное правление, где их, «придержав двое суток под караулом в разных местах с пристрастиями и угрозами», вынудили дать подписки о присоединении в единоверие. Еще дважды, в 1847 и в 1849 гг., крестьяне Максим Яковлев Мальцев (д. Песьяной Укузской волости Ишимского округа) и Макар Антонов Барсуков (д. Окунева), представлявшие общество староверов округа в числе 180 чел., безуспешно обращались в Министерство государственных имуществ с просьбой вернуть часовню, книги и утварь. Лишь в 1861 г. окуневская часовня была возвращена старообрядцам не без многих усилий и после вторичного рассмотрения этого дела в Тобольском губернском суде к большому неудовольствию единоверческих священнослужителей. Состояние возвращенной часовни оставило желать лучшего, но просьба крестьян шести деревень Ишимского округа о ее восстановлении в Министерстве внутренних дел была оставлена без последствий и в январе 1878 г.¹²

Еще об одной старообрядческой часовне мы узнаем из другого дела. Единоверческий священник с. Щучьего Курганского округа Василий Буров донес тобольскому архиепископу Георгию о существовании в д. Носковой самовольно построенной старообрядческой часовни, о «сборищах в оную для моления». На попытку Бурова и благочинного Виноградова, прибывших в д. Носкову в феврале 1849 г. с целью закрыть часовню, прекратить «сборища» крестьяне Рожины оказали существенный отпор «буйными поступками». Через губернатора архиепископ Георгий добился судебного разбирательства. Однако результаты следствия показали, что часовня в д. Носковой была построена в 1801 г. крестьянами Иваном и Степаном Рожиными, к тому времени уже умершими. Несмотря на

противодействие со стороны единоверческого духовенства, их вмешательство в ход следствия и давление на земские судебные органы, в 1850 г. было предписано ограничиться «запрещением раскольникам Рожиным дальнейшего собрания в часовне для моления и служения без данного на то разрешения». Часовня д. Носковой, построенная задолго до указа 1826 г., была оставлена без преследования¹³.

В 1851 г. тобольский архиепископ Георгий распорядился представить в консисторию сведения, в каких приходах Курганского округа «имеются раскольнические часовни, каковых не должно быть как оказательств разврата». Благодичинный округа протоиерей Григорий Головин сообщил, что таковые имелись в деревнях Чимеевской волости: Могильной, Бралгиной, Савиной, построенные около 1820 г., но неизвестно «в чье имя»; в Расковаловой – в д. Скопинской при доме крестьянина Гурия Меньшикова, построенная в 1821 г., но запечатанная с 1845 г.; в Белозерской – в д. Глубокинской, при доме крестьянина Еремея Несонова.

После получения данных сведений архиепископ обратился к губернатору Владимирову с просьбой о том, чтобы тот принял меры к закрытию часовен, конфискации хранящихся в них книг и икон. По распоряжению губернатора было предписано 2 ноября 1851 г. Курганскому земскому суду немедленно сделать «дознание действительно ли это существуют часовни, кем они были построены и когда, ...не совершается ли в них раскольнических служений, под чьим руководством, с оказательством ереси или противною православной вере. В последнем случае все книги и иконы, которые будут найдены в этих часовнях следовало отправить в консисторию на рассмотрение, а сами часовни опечатать и прекратить раскольнические служения».

Вскоре выяснилось, что на часовню д. Савиной претендовали местные единоверцы. В январе 1852 г. на имя губернатора подал прошение крестьянин этой деревни Родион Порфентьев. В январе прошлого года он был избран старообрядцами Чимеевской волости доверенным лицом всего общества и отправлен в Тобольск, чтобы отстаивать свои права на часовню и свободное отправление «молитвословий и приличных праздникам псалмов и песней», прерванное притязаниями крестьянина той же деревни Федора Грехова и единоверческого священника Ялуторовского округа Семена Шумилова. Они, в свою очередь, настаивали на передаче этой часовни в пользу

единоверцев. До окончания спора по настоянию епархиального начальства земский суд приказал в 1850 г. заседателю Иванову печатать савинскую часовню. Присутствовавший при этом единоверческий священник Шумилов «за нужное почел» составить опись всему церковному имуществу», находящемуся в часовне.

Аргументируя свое право владения часовней, курганские староверы сообщили, что часовня в д. Савиной была построена в 1816 г., в которой и «приносились повременам жителями... общие молитвы до 1850 г. без всякого стеснения»; о ней ежегодно доставлялись сведения земскому начальству. Кроме того, здание часовни не получало «коренных поправок», т. е. существующее законодательство в отношении молитвенных домов соблюдалось староверами без нарушений. Не было также и «совращения» людей в старообрядчество, «какого-нибудь неприличия по совершению молитв и духовных пеней». Запечатывание часовни земскими властями по настоянию епархиального начальства лишило староверов «последнего общего духовного утешения». Постановление старообрядческого общества, поданное властям Порфентьевым, подписали за свои семейства 53 домохозяина. Стоит обратить внимание на то, что чимеевские староверы в прошении называли себя исключительно старообрядцами.

Архиепископ Георгий, в свою очередь, просил губернатора передать в консисторию имущество и книги часовни д. Савиной по составленной уже описи, а также оградить единоверческого священника Шумилова от «преследования его раскольниками». Заседатель Курганского земского суда Иванов произвел осмотры всех курганских старообрядческих часовен в присутствии понятых и волостных старост. К присяге были приведены в общей сложности 115 православных жителей дд. Глубокой, Могильной, Савиной, Бралгиной, Расковаловой, Скопиной, но и они показали, что «раскольнических сборищ в этих моленных не производится». Результаты следствия, произведенного в Курганском земском суде, представленные в апреле 1852 г. губернскому правлению показали, что из указанных часовен, находящаяся в д. Савиной, была построена в ограде дома крестьянина Меньшикова, а остальные – отдельно от строений, в центре селений. Все они были возведены до указа 1826 г., в 1816, 1817 и 1819 гг. и «с того времени починкою не возобновлялись», а находились в первоначальном виде. Помимо того выяснилось, что о существовании старообрядческих часовен еже-

годно подавались сведения губернскому начальству волостными правлениями.

Заслуживает внимания сделанный в описании акцент на внутреннем убранстве этих часовен. К моменту следствия часовни содержались «отоплением и освящением на шет общества старообрядцов». В них имелись «образы, лампы и паникадила», а в некоторых имелись «облаченные налои и столы вроде престолов с деревянными крестами». Старообрядцы собирались в часовни по воскресным и праздничным дням для совершения молитвы, чтения книг и «отправления пения утреннего и часового».

Из всех часовен были описаны и опечатаны в ходе расследования две: в дд.Савиной и Расковаловой, из которых последняя была закрыта еще в 1845 г. вследствие доноса чашинских священнослужителей. Остальные губернское правление постановило «оставить в том виде, как есть». На требование же архиепископа Георгия опечатать курганские часовни и предоставить на рассмотрение консистории находящееся в них имущество, книги и иконы, правление, объявило, что «не может сделать к удовлетворению его никакого распоряжения»¹⁴.

Следствием неэффективности предпринимаемых правительством мер по отношению к расколу явилось то, что в середине XIX в. решающее значение приобретают специально разрабатываемые программы, составлением которых ведало главным образом Министерство внутренних дел. При МВД создавались Комиссии, Комитеты и Особые комитеты, цель которых состояла в том, чтобы разработать меры, способные пресечь существование раскола в стране.

Наиболее консервативная программа была разработана в 1853 г. (10 июля) Особым Секретным Комитетом под руководством министра внутренних дел графа Д.Н. Блудова¹⁵. Пункт третий этой программы предоставлял министру внутренних дел широкие полномочия, а именно, «постепенно упразднять скиты, монастыри, кладбищенские заведения и другие противозаконные раскольничьи сборища без всякого исключения... и для ускорения окончания оногo, тех из жителей скитов, кои имеют свыше 60 лет, переводить в богоугодные заведения». Министр внутренних дел реализовал предоставленное ему право с помощью открытых репрессий, сопровождавшихся насильственным присоединением старообрядцев к единой вере. Сразу же после смерти Николая I, 17 апреля 1855 г., Осо-

бый Комитет под руководством графа Блудова был закрыт высочайшим повелением «по случаю окончания поручения»¹⁶.

60-е гг. XIX в. внесли некоторые коррективы в проводимую правительством политику по отношению к старообрядчеству. Практика показала, что решать проблемы в данной области с помощью открытых репрессий и притеснений невозможно. Активизация общественного мнения, реформы, проведенные в различных областях, поставили правительство перед необходимостью наделения хотя бы некоторыми правами и представителей старообрядчества. В 1864 г. был создан Комитет, состоящий из высокопоставленных правительственных чиновников, с целью наделения раскольников некоторыми гражданскими и религиозными свободами. Предоставленное право творить общественную молитву и совершать богослужение в домах, молитвенных зданиях и на кладбищах было ограничено для старообрядцев запретом «публичного оказательства раскола», то есть запрещались: крестные ходы, употребление вне домов и молелен монашеского одеяния и публичное ношение икон. В отношении молитвенных зданий разрешалось: чинить обветшавшие молельни, возобновлять деятельность в тех, которые были закрыты властями в предшествующие годы, и, в случае необходимости, обращать в молельни жилые дома, но в любом случае для открытия молельного здания требовалось разрешение начальника губернии или министра внутренних дел. Самым строгим образом запрещалось внешнее проявление признаков принадлежности к старообрядчеству. На молитвенных зданиях должны были отсутствовать наружные колокола, кресты, наддверные иконы. Распечатывание молелен должно было проходить без каких-либо торжеств. Таким образом, ограниченное число раскольников, получивших право пользоваться льготами (последователи только менее вредных сект), многочисленные условия и ограничения, сделанные для них, позволяют сделать вывод о том, что правительственные круги в 60-е годы XIX в. не пришли к пониманию необходимости коренного изменения политики в данной области.

Если же мы обратимся к конкретным ситуациям, то увидим, что на практике власти почти всегда решали вопросы не в пользу староверов. Было предписано отказывать им в просьбах о восстановлении моленных на «древнем основании». Преследовался самовольный ремонт зданий моленных, они регулярно подвергались уничтожению. Однако сам факт того, что дела, связанные с существова-

нием молелен, постоянно проходили через канцелярию консистории и гражданских властей, является свидетельством того, что эти заведения, несмотря на всю строгость отношения к ним, продолжали функционировать. Поскольку основная часть молелен содержалась в тайне, можно с уверенностью сказать, что число их было значительно больше, даже в 1840–1850-х гг., когда существование их активно преследовалось правительством. Следует учитывать еще и тот факт, что решающее слово в вопросах закрытия и уничтожения раскольничьих молелен принадлежало гражданским властям. Это было определено Высочайшими повелениями еще от 28 апреля 1836 г. и 5 мая 1839 г.¹⁷ Духовное начальство, имея совещательный голос, было практически во всех спорных ситуациях настроено агрессивно по отношению к раскольникам. Подобная реакция была вполне закономерной, так как каждая старообрядческая молельня или часовня, являясь центром духовной жизни, конкурировала с православной церковью, привлекая к себе верующих, парализуя в данной местности все виды деятельности со стороны официальной церкви. Таким образом, с деятельностью старообрядческих молитвенных зданий духовные власти связывали свои неудачи в борьбе с усилением раскола. Синод неоднократно просил министра внутренних дел принять меры к ограждению православного населения, требуя более решительных мероприятий в пользу православия. Противоположная точка зрения находила в это время поддержку среди высших административных чинов: «религиозная терпимость местной администрации сдерживает неудовольствие против властей». Однако дела в пользу раскольников решались далеко не всегда. Губернаторы, согласно приказанию министра внутренних дел, по доносам преосвященных принимали меры к закрытию часовен.

Приведенные ниже материалы по Тобольской губернии красноречиво подтверждают подобную практику. Они же позволяют говорить о существовании в Тобольской губернии на протяжении XIX в. не менее 98 старообрядческих молитвенных зданий. Сравнительный анализ статистических данных старообрядцев по волостям и селениям и сведений о местах бытования молитвенных заведений позволяет доказать, что последние являлись организационными центрами старообрядческих обществ.

Наибольшее количество старообрядческих молитвенных зданий (25, из них часовен – 14, скитов – 6, молелен – 5) нами было выявлено в Ялуторовском округе¹⁸:

1. Община старообрядцев беглопоповщины Верх-Суерской волости, насчитывавшая в 1839 г. 135 чел. об. п., содержала часовню в д.Середкиной. Однако в 1876 г. она была приписана к Уваровской единоверческой церкви.

2. В с. Крутихинском той же волости имелась часовня у общины часовенных (76 чел. в 1810 г. и 256 чел. в 1839 г.), в малой избе Василия Карпова Белобородова. По доносу духовенства она была опечатана земским заседателем в апреле 1851 г. Когда, спустя некоторое время, богослужение в ней вновь возобновилось, после вторичного доноса в Тобольске постановили разобрать часовню. Настоятель часовни, как свидетельствовал единоверческий священник Семен Шумилов, «исправлением треб» у староверов распространял раскол среди лиц, принадлежавших к приходу Романовской единоверческой церкви, в результате чего 23 единоверца с. Крутихинского и 3 жителя соседней д.Ошурковой уклонились в раскол. Не случайно впоследствии эта часовня была передана единоверцам. В 1893 г. к ней была приписана церковь в с. Бердюгинском (в 38 верстах).

3. Беглопоповский молитвенный дом в д.Заложской Кизакской волости в конце XIX в. был также приписан к Уваровской единоверческой церкви.

4. Два молитвенных дома было устроено старообрядцами в д.Кокушки Шороховской волости (486 чел. в 1810 г., 388 чел. в 1839 г.). Один из них находился под ведением наставника общины часовенных Семена Нохрина и был сломан в 1854–1855 гг., а другой принадлежал поморской общине во главе с Родионом Нохриным и был опечатан властями в 1845 г.

5. В центре ирюмского общества часовенных, в д.Верхнемостовской (Дворцах), было два молитвенных дома у крестьян Галаниных, один из которых был сломан «по ветхости» около 1849 г., второй – по постановлению МВД от 4 сентября 1857 г.; иконы отданы в Кодскую и Нижнеалабужскую единоверческие церкви.

6. Молитвенный дом, построенный до 1822 г. в д. Лепехиной Ингалинской волости, принадлежал старообрядцам часовенного согласия, насчитывавшим 485 чел. в 1810 г.

7. Во дворе дома крестьянина Федора Бердюгина в д. Кулаковой Емуртлинской волости, где, по данным официальной статистики, проживало в 1810 г. 109 старообрядцев часовенного согласия и 182 – в 1839 г., был устроен молитвенный дом, называемый «соборным».

8. Старообрядческое общество д. Сосновки Новозаимской волости (377 чел. в 1810 г., 252 чел. в 1839 г.) содержало часовню, которая в 1851 г. была конфискована и передана единоверцам с приписной часовней в д. Шулындиной Малышевской волости Ишимского округа.

9. Есть сведения о существовании молитвенного дома в Бобылевской волости, где, по подсчетам, в 1839 г. проживало 1440 старообрядцев.

10. Старообрядческая часовня «Успенского завода» в ходе насаждения единоверия была перенесена в 1836 г. в с. Кодское и стала центром единоверческого прихода.

11. Молитвенный дом в с. Онофриевском Красногорской волости был устроен во дворе дома крестьянина Сергея Мурычева; без креста и колоколов; опечатан в 1849 г.

12. Три скита и пять молелен были устроены в конце XIX в. крестьянами братьями Колмаковыми, торговавшими по гильдейскому свидетельству. Строителем и покровителем их считался старший из братьев, В.В. Колмаков. В д. Звездочетовой (в 4-х верстах от с. Заводоуковского) размещался женский скит, а на заимке (в полуверсте от Звездочетовой) – мужской скит. В «лесной Заводоуковской даче», в десяти верстах от заимки Колмаковых, «в глухом лесу», тоже находился старообрядческий монастырь. Вышеназванный женский скит представлял собой деревянное «довольно высокое строение, состоящее из двух отдельных помещений, соединенных крытыми наглухо сенями, с верхними и нижними окнами», обнесенное «с переднего фасада деревянной решеткой, из-за которой выглядывали черные кресты и мраморные памятники». Входные сени вели в темный узкий коридор, по одну сторону которого помещались полки с занавесками, а по другую – двери, ведущие в отдельные небольшие комнаты. В углу здания размещалась комната настоятельницы скита, матери Анатолии, прибывшей из погоревшего Невьянского скита Пермской губернии. Дверь из комнаты настоятельницы вела в общую моленную скитниц, передняя стена которой была в три ряда уставлена иконами. Некоторые иконы были украшены жемчугом и бисером. В моленной «повсюду горели лампы, пахло ладаном, по стенам висели подушечки и лестовки». Здесь имелся полный круг печатных и рукописных богослужебных книг, среди них: «Правило келейное, Исповедание православной веры первого Собора, Канонник со списком в конце его

схимонахинь инокинь, Последование бываемое о усопших иноках, Потребник иноческий, Око церковное». Рядом с общей моленной были расположены отдельные комнаты – кельи, в каждой из которых находились божницы с иконами и кровать. Еще 10 небольших келий находились в нижнем этаже здания. Мужской скит представлял из себя нескольких одноэтажных домиков, состоявших из целого ряда маленьких комнат с низкими потолками, «разными закоулками, устроенных частью для работников, а частью – для призрения нищих». Здесь же были устроены две моленные, «снабженные иконами, лампадами и богослужебными книгами». В десяти верстах от займки, «на лесной даче», был устроен еще один скит, где располагалась «семейная моленная» Колмаковых.

14. Скит в урочище Сухие Лога, где скрывался в конце XVIII в. авторитетный в среде зауральских староверов часовенных старец Иоанн (Степанов).

15. Два женских скита старообрядцев спасова согласия были основаны в XIX в. в д. Ключи и в с. Мостовском Мостовской волости.

16. Молитвенный дом в д. Малосальской Кизакской волости принадлежал последователям белокриницкой иерархии и представлял собой пятистенную крестьянскую избу, стоящую «в поле на задах крестьянина Дмитриева». Через всю заднюю стену моленной на полке стояли три иконы Богородицы: Покрова, Утоли моя печали и Троеручицы, четыре медных креста и Образ Николая Чудотворца. Здесь же, в моленной, стояли два деревянных стола, имелось шелковое покрывало, шесть аналоев, четыре деревянных подсвечника, медные и железные щипцы, железный ручной подсвечник, приспособленный для освещения книги при чтении, складной стул для сидения и простой деревянный ящик с огарками от восковых свечей.

Немногим уступало число старообрядческих культовых зданий (21, из них 15 часовен и 6 молелен) в Курганском округе, принадлежавших в основном староверам беглоповщины¹⁹:

1. Часовня в д. Могильной Чимеевской волости. В марте 1852 г. заседатель земского суда Иванов нашел ее в таком состоянии: «часовня находится в середине деревни, в ограде крестьянина Абрама Лябова, построена крестьянским обществом той деревни в 1819 г. во имя Покрова Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца из сонового толстого леса, крыта тесом на два ската, с разделением на две половины; в первой печь; в длину 5 1/2, а в ширину 7 аршин; одно окно и дверь; вторая длины 10 1/2 ширины 7 аршин; в боковых стенах

по два окна; на передней стене полка с иконами, писанными на дереве московской работы, на оной восемь больших икон величиной в аршин: Иоанна Богослова, Иоанна Предтечи, Троицы, Николая Чудотворца, Покрова Пресвятой Богородицы, Благовещения, Николая Чудотворца и Одигитрии; перед ними висят восемь паникадил белой жести; на правом крылосе образ в аршин Спаса Нерукотворного, у левого такового нет; посередине, в роде престола, столик с деревянным крестом, на нем псалтырь, писанная без цензуры; два наложия во облачении, на одном... небольшой образ Воскресения Господня». Книги в часовне не хранили во избежание обысков. В той же деревне в доме наставника общины часовенных была устроена домашняя молельня. По данным официальной статистики, в деревне числилось 98 старообрядцев в 1810 г., по волости же в целом числилось в 1839 г. 910 приверженцев старой веры. Волостное правление насчитало в 1851 г. 91 прихожанина этой часовни.

2. Беглопоповская часовня во имя «святых Троицы и Успения Пресвятой Богородицы» в д. Савиной Чимеевской волости, на реке Черный Ик, была построена в 1816 г. общиной (120 чел. в 1810 г.) из соснового леса в середине деревни, «отдельно от домашних строений», «крыта на два ската тесом», (6 сажень в длину, 11 – в ширину, и высотой 6 сажень). В часовне был установлен престол, а «на оном крест с предстоящими в один аршин» и «Евангелие полудестевое типографии виленской печати»; «с правого клироса образ Иоанна Богослова, Иоанна Предтечи, Богоявления Господня, Благовещения Пресвятыя Богородицы, Живоначальныя Троицы, Успения Пресвятыя Богородицы, Преображения Господня, Одигитрия Смоленская, Николая Чудотворца, мерою оныя вся в один аршин»; «во втором ярусе образ Илии пророка, Положения во гроб»; «третий ярус» – «в середине образ Царь Царем, в один аршин, ко оному дванадцать Апостолов»; кроме того, за правым крылосом был помещен образ Николая Чудотворца «с житиями в один аршин», а за левым – образ Владимирской Богоматери.

В середине XIX в. библиотека часовни состояла из 11 певческих и богослужебных книг: «певчия книги, Октоих, Ирмолог певчий, Устав Филарета патриарха в десть, Евангелие толковое с переводу супрасльского, Апостол Иосифа патриарха, Златоуст с переводу почаевской печати, Октой Филарета патриарха, Октой пятого гласа древний, Учебная Псалтырь печати литовской, Пролог с переводу в десть, праздники певчия». В часовне хранились 20

фунтов свечей белого и желтого воска, кроме того, 9 свечей белого воска «местных позженных», 12 лампад «медных полуженных» и паникадило медное «полуженое в три ряда». Содержалась часовня «отоплением и освящением на счет общества старообрядцев». По данным волостного правления за 1851 г., к ней были приписаны 83 чел. м. п. и 81 чел. ж. п. старообрядцев этой деревни. В феврале 1852 г. часовня была запечатана в связи с предьявлением на нее права собственности единоверцами, но староверы смогли отстоять ее. В 1883 г., получив разрешение от губернского начальства на ремонт часовни, старообрядцы под руководством наставника Логина Григорьева исправили «все ветхости здания». В начале 90–х гг. XIX в. она состояла из трех больших отделений, расположенных вдоль «одно близ другого» с запада на восток. От обычного крестьянского дома, «состоящего из двух половин с сенями», часовня отличалась тем, что над входными дверями был поставлен на стене небольшой медный крест, и отсутствием хозяйственных надворных построек. «Первое отделение часовни», в которое входят с крыльца, служило «папертью». Оттуда внутрь часовни вели две двери, из которых в двери «по правую сторону» входили обычно мужчины, а «по левую» – женщины. Во второй комнате, разделенной «по середине перегородкою», «стояли во время богослужений молящиеся». В третьем отделении в восточной стороне было устроено «святителище и как бы алтарь». Миссионеры отмечали, что чистота в часовне соблюдалась «самым тщательнейшим образом: все промыто и вычищено; стекла в окнах также без пыли, вытерты». Иконостас был устроен «во всю стену» на восточной стороне «о трех ставах или ярусах, высотой аршина в четыре и более и в ширину аршин на десять». В его нижнем ярусе были расположены «так называемые местные, храмовые» иконы, «довольно больших размеров, в высоту и ширину более аршина, в желтых крашенных рамах»: в центре икона «пресвятая Троицы», по обе стороны от которой были установлены «праздничные иконы Успения Божией Матери, Преображения Господня, Вознесения и разных святых: святителей, преподобных и пр.». По середине верхнего яруса от центральной иконы Воскресения Христова шли изображения ветхозаветных и новозаветных праведников: Моисея, Аарона, Иоанна Крестителя, пророков, мучеников новозаветных, преподобных и пр. Наряду с постоянными, храмовыми иконами, во втором ярусе ставились иконы, приносимые старообрядцами из домов. Перед «домашними икона-

ми почти всегда» стояли свечи, для чего во всю ширину иконостаса был протянут толстый железный прут; к которому и «лепятся молящимися свечи». Свои домашние иконы раскольники почитали даже более часовенных, потому что они «есть всегдашнее видимое благословение родительское, а яже благословиша и заповедаша отцы, то свято». Все иконы в часовне Суздальской или Владимирской живописи, «с двуперстным сложением, осьмиконечным крестом, именем Исус».

Перед местными иконами, как и в православных храмах, висели большие металлические белые лампы «на цепочках с несколькими шандалами, в среднем из коих поставлена большая белая свеча с золотыми украшениями». Посередине, перед иконостасом, висело большое и довольно ценное из белого железа паникадило с подсвечниками кругом в три яруса, на котором «возжигали» только в великие праздники, или по особенным торжественным случаям (например, богатые раскольнические свадьбы).

Перед иконостасом, как и в православных храмах, «выдается внутрь часовни довольно широкая аршина в два солея, продолжающаяся от самой северной и до южной стены; в середине солеи, и несколько выше ее, выдался внутрь полукруглый амвон, с которого старцы наставники читают во время богослужений толковые евангелие, апостол, также пролог, златоуста и проч.». «В самой середине пред иконостасом на солее, несколько выше амвона, находится стол, одетый в шелковую или парчевую одежду, который раскольники и называют престолом. На нем находится большое медное распятие и евангелие, которые во время службы открываются, а после нее закрываются пеленой. Пред этим... престолом, служащий раскольнический наставник пред началом служб творит обыкновенный свой большой семипоклонный начал и отсюда же начинает каждение».

«Несколько ниже... престола, за солеей, среди часовни стоит другой стол, также одетый одеждою. В него с верхней стороны вделано большое живописное распятие на досках, ...писанное на раскольнический манер; оно пожертвовано некоею ялуторовской купчихой – раскольницей. ... Здесь в праздничное время полагается праздничная икона, а в простые и воскресные дни святцы с изображениями святых на каждый день года». «По сторонам солеи, около стен, обгорожено два клироса, у коих приделаны хоругви, а сзади находятся иконы – на одном Божией Матери, а на другом – какого-то святого».

Богослужебных книг при часовне было «довольно». Они хранились в шкафах, устроенных на стенах у клиросов, «откуда их удобно брать чтецам при богослужениях». Некоторые из книг, бывшие на руках у австрийского попа – крестьянина той же деревни Филарета Гладкова, в 70–х гг. XIX в. были конфискованы земским заседателем вместе с разными священническими облачениями, священными сосудами и другой утварью, отосланы в консисторию и разосланы в беднейшие храмы северного края. В 1907 г. в д. Савиной была устроена также единоверческая церковь.

3. Часовня в д. Бралгиной Чимеевской волости при оз. Полуденном была построена в центре деревни беглопоповским обществом в 1817 г. из соснового леса, «крыта тесом на два ската», с разделением на две половины, «в первой длины 4 $\frac{1}{2}$ ширины 8 аршин, вторая квадратная по 8 аршин; в ней три окна, одна печь, у передней стены иконостас, в нем образов, писанных на древе двуаршинных: Спас Нерукотворный и Богородицы, и одиннадцать малых: Илии Пророка, Усекновение Главы Иоанна Предтечи, Спаса Нерукотворного, Спасителя, Николая Чудотворца, Георгия, Михаила Архангела и Вознесения Господня. Посредине столп с деревянным крестом; один налож, в облачении, на нем образ воскресения, три лампы белой жести, одна стеклянная, один деревянный подсвечник, три книги: Часослов, Псалтырь и Часовник, почаяевской печати». По данным волостного правления за 1851 г., к ней были приписаны 27 чел. м. п. и 30 чел. ж. п. старообрядцев этой деревни.

4. Часовня в д. Расковаловой Салтосарайской волости, построенная «в отдельной ограде» в конце XVIII в. во дворе дома старых девиц Захаровых, также принадлежала беглопоповцам, а затем часовенным. В 1814 г., «по случаю ветхости», старообрядцы перестроили ее «с прибавлением нового соснового леса». Часовня «пятистенная с сенями, крыта на два ската тесом в длину с наружи, вместе с сенями имела длину 8 ширину 4 сажени, вышиной 20 рядов, содержалась отоплением и освящением насчет общества старообрядцев» (116 чел. в 1839 г.). В той же деревне в доме наставника общины часовенных была устроена домашняя молельня.

5. Молитвенный дом в д. Глубокой Белозерской волости был устроен около 1802 г. из соснового «толстого» леса «под одной крышей с домом» крестьянина Герасима Насонова, отделяющийся «только холодным сараем, вроде коридора». В нем: «два окна, печь,

кругом сосновые лавки, на одной стороне такая же полка, на ней поставлены четыре небольших медных образа, такое же распятие и кадильница для ладону». «Под низом этой комнаты, жилая изба, что составит два этажа, ход в нее отдельный с улицы, а под самым домом подвалы».

6. Молитвенный дом в д. Плоской Моревской волости, устроенный во дворе дома крестьянина поповца Филиппа Попова (Насекина) и, по показаниям «односельцев», существовавший «издавна». В 1841 г. «оставлен в настоящем положении», с подтверждением крестьянам Василию и Филиппу Поповым не допускать в ней публичных сборищ, «за чем приказано иметь неослабное наблюдение» местной полиции и приходскому духовенству. В 1864 г. была перестроен во имя св. Архистратига Михаила и приписан к единоверческому приходу с. Щучинского.

7. Часовня во имя Покрова Пресвятой Богородицы в д. Шестаковой (Суловой) Шмаковской волости, «устроенная издавна» беглопоповцами, в конце XIX в. была приписана к Романовской единоверческой церкви.

8. Часовня в д. Романовой Шмаковской волости, с 1836 г. передана в единоверие. К ней была приписана часовня во имя Вознесения Господня в д. Шастовой, устроенная издавна.

9. Три домашние молельни существовали у староверов Утечьей волости.

10. Часовня в д. Скопиной Мендерской (Белозерской) волости, была построена в 1816 г. беглопоповцем Павлом Степановым Меньшиковым во дворе дома; после смерти Павла настоятелем часовни стал его сын Гурий. По данным волостного правления за 1851 г., к ней приписаны 18 чел. м. п. и 24 чел. ж. п. староверов этой деревни. Часовня содержалась «во всем» Гурием Меньшиковым, в одной комнате с сенями, в длину 9, ширину 8 1/2 аршин, одна печь, на правой стене – два окна, в ней одна двухаршинная полка с образами: Николая Чудотворца, «два нерукотворенных образа», а также десять маленьких: «Одигитрии, Или Пророка, Преображения Господня, Иоанна Богослова, Спасителя, Богородицы, Параскевы Мученицы, Богородицы, Спасителя, Скорбящая»; «столик в облачении с деревянным крестом, два налоя в облачениях, на одном медное небольшое распятие, на другом медный образ Воскресения, две лампы белой жести, два деревянных подсвечника». Из книг была обнаружена лишь Псалтырь почаевской печати 1794 г.

11. Часовня в д. Носковой, построенная в 1801 г. крестьянами Иваном и Степаном Рожиными.

12. В д. Галишевой Меньшиковской волости поморцем Федором Плотниковым была устроена молельня. Существование этой старообрядческой «моленной избы» было обнаружено губернскими властями в 1836 – 1840 гг. в связи с шумевшим делом о заключении сводных браков в Тобольской и Пермской губерниях 70-летним наставником Федором Плотниковым, сосланным затем в Енисейский край на поселение. Галишевская молельня была опечатана как построенная после указа 1826 г. Описание молельни содержалось в донесении тобольского губернатора в Министерство внутренних дел 20 декабря 1840 г. Согласно этим сведениям, она состояла из «горницы перекатанной из старого строения, величиной квадратно с углами в 8 ¹/₂ аршин, покрытой новым тесом, на два ската, без всяких сторонних прибавлений, в которой имеются две лавки и одна, на манер голанской печка, у стены с северной стороны стоит кровать с постелью и двумя подушками, перед ней обыкновенный стол, накрытый ковром, на который поставлена с песком чернилица и книга Канонник 7342 года» (1834 г.). К передней стене часовни была приделана полка, на которой установлены 11 икон на деревянных досках старообрядческой живописи. В апреле 1840 г. МВД постановило разобрать незаконно построенную старообрядческую молельню, образа и книги отослать в духовную консисторию, а материал, из которого она была сделана, отдать наследникам Ф. Плотникова, что и было выполнено 26 июня 1841 г. Курганским земским судом.

13. По статистическим сведениям второй половины XIX в., в д. Песчаной Утчанской волости, при оз. Песчаном находилась действующая старообрядческая часовня, к которой в 1851 г. были приписаны 60 чел. м. п. и 82 чел. ж. п. староверов этой деревни.

14. Часовня с. Щучинского в 1839 г. была передана единоверцам. В 1842 г. завершена ее перестройка в единоверческую церковь.

15. В с. Нижнеалабугском в 1844 г. была устроена единоверческая церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая.

16. Старообрядческая часовня в д. Малочаусовой Смолинской волости. По данным волостного правления за 1851 г., к ней было приписано 7 чел. м. п. и 3 чел. ж. п. староверов этой деревни.

На третьем месте по количеству старообрядческих молелен

(8 часовен и 5 домашних молелен, всего 13) находился Ишимский округ²⁰:

1. Часовня в д. Старорямовой Бердюжской волости, настоятелем которой был Мака́р Барсуков. По данным официальной статистики в 1841 г., к ней принадлежало 106 чел. м. п. и 111 чел. ж. п. старообрядцев беглопоповщины. В 40-х гг. XIX в. она была запечатана, а в 1875 г., несмотря на многочисленные прошения старообрядцев, приписана к Сивковской единоверческой церкви.

2. Часовня д. Окуновой Уктузской волости, принадлежавшая староверам поповщины, была построена в 1803 г. из березового леса и имела, по официальным данным, в 1841 г. 123 чел. м. п. и 154 чел. ж. п. прихожан. В 1845 г. по настоянию консистории часовню передали в Травнинский единоверческий приход, и лишь в 1861 г. по решению губернского суда вновь возвратили старообрядцам.

3. Часовня в д. Сивковой Частоозерской волости, принадлежавшая стариковщине. По данным учета старообрядческих молитвенных зданий Тобольского губернского правления за 1841 г., к ней было приписано 318 чел. м. п. и 313 чел. ж. п. прихожан. В 1849 г. она была передана единоверцам и обращена в единоверческую церковь. В 1875–1876 гг. к ней были приписаны часовни с. Теплодубровского и д. Старорямовой Бердюгинской волости.

4. Часовня д. Травной (с. Травнинское) Гагарьевской волости, построенная в 1803 г. из соснового леса, по данным губернского правления за 1839 г. объединяла 127 чел. м. п. и 136 чел. ж. п. прихожан. В 1839 г. была обращена в единоверческую церковь, но сгорела в 1843 г., поэтому единоверцам пришлось отстраивать ее заново в 1847 г. Во второй половине XIX в. к ней были приписаны старообрядческая часовня в д. Яровской Казанской волости и церковь в с. Вялковском, построенная в 1906 г.

5. Часовня д. Гагарьей той же волости, построенная в 1803 г., имела, по официальным данным 1841 г., 128 чел. м. п. и 156 чел. ж. п. прихожан.

6. Часовня д. Яровской Казанской волости имела в 1841 г. 121 чел. м. п. и 134 чел. ж. п. прихожан; была обращена в собственность единоверцев и приписана к единоверческой церкви с. Травнинского.

7. Часовня с. Теплодубровского Теплодубровской волости в 1841 г. имела 317 чел. м. п. и 329 чел. ж. п. прихожан; в 1876 г. возобновлена с разрешения епархиального начальства и приписана к Сивковской единоверческой церкви.

8. Домашние молельни: в д. Подволошной Устьламинской волости, устроенная в доме крестьянина Леонтия Чемакина, имевшая 30 чел. м. п. и 29 чел. ж. п. прихожан в 1841 г.; в д. Прохоровой Армизонской волости крестьянина Сидора Меньшикова (28 чел.); в д. Плоской Армизонской волости, в доме крестьянина Алексея Усольцева (62 чел.); в д. Вялковой Армизонской волости в доме крестьянина Екима Коклягина (59 чел. м. п. и 74 чел. ж. п.); в д. Пешневой Ильинской волости в доме крестьянина Ивана Косарева (22 чел.).

9. В часовне в д. Ировской Абацкой слободы, построенной в конце XVIII – начале XIX в. крестьянином Герасимом Сысоевым, собиралось «немалое число разных деревень крестьян мужского и женского пола на богомолье». В ней имелось «разных икон немалое количество», наставленных на полках во всю восточную стену, два клироса, два налоя и «крест, по-видимости медной литой позолоченной, притом книги: псалтырь следованная, два правильника и называемой налойной часослов». Вследствие обвинения приходским духовенством Сысоева в распространении раскола среди православных, в 1809 г. часовня была разобрана.

10. Два скита – мужской и женский – были основаны в Красноярской волости Ишимского округа в 1900 г. последователями белокрыницкой иерархии. Строительство скитов велось на участке земли мещанина Евфимия Андреева Шелухина в 25–ти верстах от с. Красноярского под непосредственным руководством старообрядческого епископа Пермского и Тобольского Антония (Афанасия Паромова), рукоположенного Савватием. В густом березовом лесу «австрийцы» построили здания, которые были «сплетены из мелкого талу, в два плетня, а середина засыпана землею, стены как снаружи, так и внутри, обмазаны глиной». В скитах при посещении в сентябре 1900 г. миссионера Михаила Орлова и причта с. Красноярского находились 7 скитников и около 20 скитниц, в возрасте от 16 до 30 лет и старше, из Тобольской, Томской, Пермской и Оренбургской губерний.

В Тюменском округе нам удалось выявить сведения о 8–ми часовнях, 19–ти скитах и 7–ми домашних молелен (всего 34 молитвенных здания)²¹.

1. Единоверческая часовня инока Дорофея в Тюмени, по ведомостям тобольского губернского правления за 1839–1842 гг. принадлежала старообрядцам, приемлющим священство, численность

которых составляла в 1839 г. 70 чел. м. п., 99 чел. ж. п., в 1840 г. – 84 чел. м. п., 114 чел. ж. п., в 1841 г. – 108 чел. м. п., 148 чел. ж. п. В 1839 г. в ней временно отправлялось богослужение единоверцами до строительства единоверческой церкви в Тюмени; на просьбу единоверческого общества передать эту часовню им в собственность инок Дорофей ответил категорическим отказом.

2. Моленный дом, называемый Гневышевским, или Нагорным, в Тюмени, был построен мещанином Елисеем Доурцовым и по завещанию принадлежал староверам поповщины.

3. Домашняя моленная в доме тюменской купчихи Натальи Егоровой Проскуряковой, последовательницы беглопоповщины, а затем австрийского священства. В одной из задних комнат своего дома Н. Проскурякова устроила на восточной стороне иконостас во всю стену, приобрела «походную церковь», а также многие богослужебные книги, церковные принадлежности и священническое и архиерейское облачение. Ежегодно к ней приезжали священники с Рогожского кладбища, а в 60–х гг. XIX в. у нее останавливался и совершал богослужения епископ Тобольский Савватий.

4. Тюменским беспоповцам, согласно официальной статистике, принадлежало 4 молитвенных домов в доме крестьянина Алексея Александрова, купцов Аграфены Решетниковой и Ивана Барашкова. Количество их прихожан составляло в 1839 г. 164 чел. м. п., 322 чел. ж. п., в 1840 г. – 154 чел. м. п., 268 чел. ж. п. А. Александров за устройство «раскольнической молельни» был приговорен в 1852 г. к двухнедельному тюремному заключению, комнаты были «обращены в домашние помещения».

5. Молитвенный дом в д. Пашенке (Космаковой) Каменской волости. Тюменские купцы Козьма Шешуков и Афанасий Решетников в 1841 г. построили каменное здание этой «раскольнической часовни», разрушенное после пожара. Дело о незаконном восстановлении часовни рассматривалось в течение 1841–1846 гг. в окружном суде при активном участии духовного правления и консистории. По другим источникам известно, что в 1845 г. молитвенный дом в д. Космаковой был обращен в богадельню для престарелых женщин поморского согласия.

6. В Каменской волости Федор Афанасьев Космаков (ум. в 1812 г.) основал скит (филипповское согласие, пашенский толк). Вскоре здесь возникло еще 15 скитов с подземными ходами для укрытия в случае облав и обысков.

7. Староверами–пашенцами были основаны скиты за д. Овчинниковой, Симахиной (на р. Тегени), в д. Лужбиной (на р. Липке) Липчинской волости (не менее 3–х).

8. Домашняя молельня в доме известного среди беспоповцев Ялуторовского и Курганского округов Тобольской губернии и пермских уездов наставника, крестьянина Ефима Семенова Соснина в д. Юшковой Тугулымской волости. В 20–ти верстах от деревни, среди обширного Бахметского болота, находилась старообрядческая святыня – Авраамиев остров, где хранились мощи инока Авраамия (две землянки и колодец с целебной водой). Путь к острову для незнакомых с местностью был недоступен. Даже «бывалые» не обходились без проводника. По сообщениям помощника миссионера крестьянина М. М. Тарасова, ежегодно в начале сентября множество «паломников»–староверов партиями в 30, 40 и даже 50 человек тянулись сюда по направлению к д. Юшковой из Пермской губернии, Ялуторовского, Курганского и Ишимского округов.

9. В восьми верстах от д. Юшковой, в д. Пискулиной Тугулымской волости Тюменского округа, уставщицы часовенного согласия старицы Феодосья и Евфросинья Высоких содержали в своем доме молельню и обучали детей староверов грамоте.

10. Домашняя молельня беспоповщины в д. Гусельниковой Каменской волости у крестьянина Василия Лукина Мелкобродова в виде комнаты, уставленной множеством икон.

11. Домашние моленные в домах наставников общины часовенных Фоминской (д. Щелконогова) и Успенской волостей. Через д. Щелконогову в 1885 г. был проложен путь к Авраамиевому острову: прорублена просека, настлана на болото «гать». Чтобы привлечь паломников к новому пути, сын наставника Афоня («отличный певец по крюкам среди беспоповцев») и сестра Ирина, уставщица и ревнительница «древляго благочестия», отправились по округе с рассказами о том, что в д. Щелконоговой открылся новый путь к преподобному Авраамию, «такой удобный, что и ноги не замочишь, гораздо удобнее юшковского».

12. В д. Решетниковой Луговского прихода в 1846 г. была устроена поморская моленная в одной из комнат дома купца Афанасия Решетникова. По описанию, произведенному 13 марта 1851 г. заседателем окружного суда Плотниковым, молельня не имела самостоятельного выхода, вход был устроен из других комнат избы. Комната имела два окна, печь, выведенную из соседней комнаты,

«обнесена лавкою». На одной из стен размещались две полки, окрашенные красной краской, на которых стояли три иконы старинного письма: икона Спасителя «на шестивершковой доске в кивоте за стеклом», «пятивершковая» икона Божьей Матери с «окладом: по краям серебрянной, а венец и риза жемчужная с камнями», и икона Святителя Николая Чудотворца «на шестивершковой доске в серебрянном окладе с венцом и складнями серебрянными», а также «в особом кивоте одни большие складни, разделяющиеся на четыре половины, вышиною четыре вершка, шириною десять вершков». Вторые складни были поменьше: $1\frac{1}{2}$ в ширину и $4\frac{1}{2}$ в высоту. Рядом с ними были расположены два небольших медных образа, изображающие разных святых, и стеклянная лампадка. В углу комнаты висела еще одна «пустая полка с ситцовой занавескою».

13. Молитвенный дом часовенных в д. Щелконоговой Фоминской волости Тюменского округа.

Наименьшее количество старообрядческих часовен было в Тарском округе. Мы располагаем сведениями о существовании здесь лишь одной часовни в д. Низовой Малокрасноярского прихода у крестьянина–поморца Огаркова, которая была «разрешена правительством». Еще один молитвенный дом располагался в с. Большерецком; на его уничтожении настаивал в 1892 г. тобольский архиепископ²².

Имеются также косвенные сведения о существовании скита в с. Байкалово Тобольского округа. Более подробными данными о нем мы пока не располагаем.

Исследование показало, что на протяжении XIX в. старообрядцам Тобольской губернии принадлежало не менее 98 молитвенных зданий, из них 47 часовен и молитвенных домов, 28 скитов и 23 домашних молебни, построенных в большинстве своем до указа 1826 г., т.е. в период послаблений правительства Александра I. География распространения их на исследуемой территории была неодинаковой: от 2 часовен в Тарском округе, 1 скита в Тобольском, 15–ти часовен и молебен – в Ишимском и до 21–ой – в Курганском, 25–ти – в Ялуторовском, и, наконец, 34–х – в Тюменском округах.

Неравномерное распределение молитвенных зданий по округам Тобольской губернии соответствовало и концентрации в этих районах старообрядческого населения. В округах с наибольшим количеством молитвенных заведений проживало значительное число староверов. Так, в середине XIX в., по данным официальной ста-

тистики в Ялуторовском округе с 25-ю часовнями и молельнями числилось 15545 чел. об. п., что составляло 40 % всех староверов губернии. В Курганском округе на 9760 староверов (25 %), по данным 1839 г., приходился 21 молитвенный дом. В Ишимском округе 7245 старообрядцев (19 %) имели 15 молитвенных заведений. Тюменские староверы (3358 чел., или 8,6 %) содержали 15 часовен и молелен и 19 скитов. Наконец, 223 старообрядца (0,6 %) Тарского округа имели в своем распоряжении 2 часовни²³.

В 30–40-е гг. XIX в. 17 часовен и молелен было передано в единоверие²⁴, что составляет 18 % от всех учтенных нами молитвенных старообрядческих зданий. Кроме того, часовня в д. Савиной Чимеевской волости Курганского округа, и четыре молитвенных дома²⁵ были закрыты гражданскими властями «с запрещением проведения в них молитвословий». Еще 8 молитвенных зданий по окончании следствия были уничтожены и разобраны²⁶.

В начале XX в., вследствие указов 17 апреля 1905 г. о свободе совести и веротерпимости и 17 октября 1906 г., определявшего порядок устройства старообрядческих общин, староверы Тобольской губернии обращаются с ходатайствами в местные органы власти с просьбой о возобновлении и новом строительстве часовен. Их возведение было подчинено общим архитектурным правилам строительства церквей на основании Строительного Устава 1900 г. Для разрешения на строительство необходимо было представить в Строительное отделение губернского правления «проектный чертеж в двух экземплярах», «генеральный план местности в двух экземплярах, с показанием расстояния до ближайших строений», и «акт освидетельствования грунта, составленный должностным лицом волостного или сельского управления в присутствии двух–трех человек понятых». Необходимые документы на постройку могли быть составлены служащими Строительного отделения «в порядке частного соглашения, за отдельную плату – 75 рублей»²⁷.

В течение 1906 г. в Строительное отделение губернского управления обратились с просьбой старообрядческие общины о возведении пяти молитвенных домов: в д. Корсиной Тарского уезда, в д. Поддувальной Теплодубровской волости и в д. Окуновой Уктузской волости Ишимского уезда, в д. Пастуховой Исетской волости Ялуторовского уезда и в д. Корбаиновой Кобырдакской волости Тюкалинского уезда²⁸. В 1906 г. в губернское управление поступило ходатайство крестьянина д. Пастуховой Исетской волости Ялу-

торовского уезда Ефима Сидорова с просьбой построить молитвенный дом и училище на свои собственные средства и составить за его же счет план на их постройку. Составление плана и копий с него взял на себя младший архитектор Строительного отделения инженер Соколов, который и представил на утверждение 20 сентября и назначил плату за свою работу в размере 75 руб.²⁹

Согласно плану, утвержденному Строительным отделением в 1906 г., в д. Корбаиновой Кобырдакской волости Тюкалинского уезда был возведен молитвенный дом. Но после образования Корбаиновской старообрядческой общины он стал «тесным и требовал пристройки, а равно некоторого изменения в фасаде, в отличие от обыкновенных обывательских домов». В декабре 1909 г. наставник Корбаиновской старообрядческой общины Евстрат Фролов Корбаинов обратился в губернское управление с прошением разрешить «пристройку» «в виде алтаря», «наверху же крыши возвести возвышение для крестов» для того, чтобы «придать вид именно молитвенного дома», но «без куполов и колокольни, присвоенных церквам». Корбаинов представил и все необходимые документы: проект и копию плана и фасада и «гербовый сбор» и просил разрешить староверам «взамен колокольни повесить при входе в молитвенный дом (в крыльце) колокол среднего размера, для оповещения жителей о начале богослужения, в чем и выдать на имя общины разрешительное свидетельство». Поскольку вся необходимая документация была составлена «грамотно в техническом отношении», в феврале 1910 г. Строительное отделение утвердило этот проект, разъяснив при этом, что на постановку колокола в крыльце никакого разрешения со стороны губернской администрации не требуется³⁰.

В 1911 г. крестьянин д. Галишевой Михайло–Архангельской волости Курганского уезда Тарасий Михайлов Раков подал прошение тобольскому губернатору о разрешении построить на свои средства и на своей «надельной усадебной земле» старообрядческий молитвенный дом для Галишевской старообрядческой общины, зарегистрированной 31 декабря 1910 г. На составление проекта, плана и фасада и их доработку ушло восемь месяцев, после чего 17 сентября 1911 г. измененный проект был утвержден³¹.

В начале XX в. старообрядческие молитвенные здания, существовавшие большей частью с конца XVIII в., пришли в такую ветхость, что исправление их оказалось невозможным. Староверы находили средства на возведение новых молитвенных

домов. Так, в марте 1911 г. общее собрание общины поморцев-брачников д. Островной Новокарасукской волости Тюкалинского уезда³² обсуждало вопрос о перестройке молитвенного дома «в виду того, что старое здание пришло в ветхость и требует немедленного ремонта». Было решено построить новый молитвенный дом в центре селения между домами крестьян Нестера Антонова и Егора Петрова Чередовых на усадебном участке, приобретенном у местного крестьянина Мирона Лукьянова Никитина, размеры которого составляли 17 сажен «по линии улицы» в ширину и 60 сажен в длину. По мнению собравшихся, здание часовни должно было «иметь вид пятистенного дома, состоящего из двух комнат по 14 на 9 аршин и 5 на 9 аршин соответственно, прихожей и крыльца, на котором будет сооружен крест, отличающий молитвенный дом от простого». В том же месяце председатель Совета островнинской старообрядческой общины Е. Терляев обратился с ходатайством о постройке к губернатору. В мае староста д. Островной Матвей Савельев Чебоксаров в присутствии понятых крестьян Нестера Антонова Чередова, Максима Афонасьева Лаптева и Герасима Михайлова Ершова «освидетельствовал грунт местности земли», на котором предполагалось начать строительство. Оказалось, что «верхний пласт составляет 1/2 аршина глубины, затем, углубляясь ниже, с 1/2 аршина идет почва глинистая и ниже супесок и галька и вообще крепкий грунт, вполне могущий выдержать каменную даже солидных размеров постройку, а не только деревянные стены дома». В связи с этим комиссия пришла к заключению, что «местность эта по грунту земли соответствует постройке молитвенного дома». Акт проверки грунта был передан председателю Совета общины Е.Л. Терляеву для представления в Строительное отделение. Спустя месяц, подготовленный проект и описание постройки молитвенного дома был утвержден. Здание предполагалось «построить из соснового и елового леса в 4 верш. толщиной, на лиственных стойках; потолок подшивной из теса, пол из плах; крыша железная. Высота здания между полом и потолком составляла 7 аршин, от земли – 8 аршин; окна в просвет высотой 2 1/2 и шириной 1 1/2 аршина; двери в 1 1/2 аршина; крыльцо в виде навеса на столбах».

В 1912 г. курганская община поморцев брачного согласия содержала молельню, устроенную при доме мещанина Ивана Степанова Зырянова, «рядом со слесарной мастерской и жилыми поме-

щениями»³³. Комиссия в составе исправника, городского архитектора, представителя пожарной команды, осмотрев ее, заключила, что в этом помещении молельня «ни под каким видом быть не может», поскольку находилась на территории «маломерной усадьбы, тесно застроенной деревянными постройками, занятыми жилыми помещениями», и не имела «достаточно широкого и просторного выхода на улицу непосредственно». Кроме того, ее «внутреннее устройство не гарантирует безопасность молящихся, так как нет запасного второго выхода, правильно устроенного, и постоянного отопления, которое ныне заменяет железная печь, опасная в пожарном отношении, имеющиеся хоры по своей конструкции весьма не прочны и, кроме того, загромождают помещение». На этом основании комиссия постановила, что дальнейшее «нахождение молитвенного дома в этом помещении не может быть допущено ни при каких переделках».

Имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют об утверждении в июне 1913 г. проекта старообрядческой часовни в д. Больше-Пещанной Лапушинской волости Курганского уезда³⁴.

По сведениям департамента духовных дел МВД, к 1 января 1912 г. на территории Тобольской губернии было зарегистрировано 108 старообрядческих молитвенных зданий³⁵. Объединив выявленные нами данные о численности старообрядческих зданий в XIX в. (98 единиц) со сведениями о строительстве новых 8-ми часовен в начале XX в., получим 106 старообрядческих молитвенных заведений. Таким образом, проведенные нами изыскания не противоречат официальной статистике и близки к реальности.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что положение религиозных центров старообрядчества – скитов и молелен, в середине XIX – начале XX в. было достаточно сложным и нестабильным. Как показал анализ источников, на протяжении второй четверти XIX в. почти 50 % всех старообрядческих часовен и молелен было изъято из обращения старообрядцев, хотя и не без сопротивления с их стороны. Следствием положения староверия как религии гонимой явилась невозможность правовой системы определить статус старообрядцев, их гражданские и религиозные права. Административные решения, заменившие законодательные акты, имели широкий диапазон: от открытых репрессий до лояльного отношения, но не могли обеспечить стабильного положения. Тем не менее, даже в

таких условиях старообрядческое общество продолжало оставаться жизнеспособным. Важную организующую роль в данном вопросе сыграли скиты и молельни, которые приверженцы староверия тщательно защищали и оберегали.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1–2, 25–28; Ф. 329. Оп. 2–4, 13.

²Собрание постановлений по части раскола. СПб, 1875. С. 1; ПСЗ. Т. 12, № 9155; СЗ. С.14;

³Собрание постановлений по части раскола. С. 2–3,5.

⁴ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 1811. Д. 13. Л. 1–21.

⁵Собрание постановлений по части раскола. С. 89, 92, 170, 291, 299, 315–316; РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 6495, 8869, 8925, 10038, 10114.

⁶СЗ. Т. 15, ст. 226.

⁷*Варадинов Н. В.* История Министерства Внутренних дел: В 8–и кн. СПб, 1863. Кн. 8, дополнительная: История распоряжений по расколу. С. 282–284.

⁸ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 3. Д. 103. Л. 113–114; Оп. 544. Д. 103. Л. 28, 42, 89–89об.; Оп. 4. Д. 64. Л. 40–41, 55; Д. 56. Л. 37–38, 118–118об.

⁹*Варадинов Н. В.* История Министерства Внутренних дел ... С. 383–384.

¹⁰ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 3. Д. 114. Л. 1–33.

¹¹ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 3. Д. 108. Л. 1–63.

¹²РГИА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 23416. Л. 1–4, 9–16об., 20–26 об.; Ф. 1284. Оп. 241. Д. 77. Л. 35–35об.; ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 328. Л. 10–11.

¹³ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 3. Д. 146. Л. 1–32 об.

¹⁴ТФ ГАТО. Ф. 152. Оп. 31. Д. 668. Л. 3 об. –4, 5–5 об., 9–9 об., 11, 14 об. – 16 об., 17–19.; Ф. 329. Оп. 3. Д. 163. Л. 1–43;

¹⁵Принимавшего, кстати, участие в суде над декабристами, среди которых было немало близких ему людей. См.: Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. 3. С. 94–98.

¹⁶Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиевым. Вып. I–IV. Лондон: Вольная русская тип., 1860–1862. С. 192–194; Собрание постановлений по части раскола... С. 470; *Варадинов Н. В.* История Министерства внутренних дел... С. 644–645.; В 1853 г. было разгромлено, просуществовавшие полтора века, доказавшее свое лояльное отношение к властям, Выго–Лексинское общежительство. Были запечатаны алтари моленных на Рогожском кладбище, разгрому подвергалось и Преображенское кладбище в Москве, уничтожались скиты в Нижегородской, Калужской и Архангельской губерниях. Так, к 1855 г., как сообщал министр внутренних дел, на Преображенском и Рогожском кладбищах «присоединилось к единоверию 1848 раскольников, в том числе 48 почетных граждан, 1436 купцов, а всего в России 13129 человек». См.: *Ершова О. П.*

Организация церковной жизни старообрядчества в XIX в. // Монастыри в жизни России. Калуга; Боровск, 1997. С. 89–91.

¹⁷ *Ершова О. П.* Организация ... С. 92–94.

¹⁸ ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 24. Д. 397. Л. 14об., 19–20, 25–26; Д. 200. Л. 65 об.; Оп. 25. Д. 290. Л. 218–236.; Оп. 26. Д. 937. Л. 2–3 об.; Ф. 329. Оп. 3. Д. 103. Л. 89–89 об., 114; Д. 114. Л. 1–33; Д. 152. Л. 1–18 об.; Д. 156. Л. 1–25; Оп. 4. Д. 56. Л. 38; Д. 64. Л. 41; Ф. 353. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–55; Ф. 156. Оп. 24. Д. 397. Л. 8–9; Список населенных мест Тобольской губернии по сведениям 1868–1869 гг. / Под ред. В. Зверинского. СПб., 1871. Л. CLXXXVII.; *N. N.* Поездка в раскольнические скиты братьев Колмаковых // ТЕВ. 1892. № 19–20. С. 430–436.

¹⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 199. Д. 352. III отд. 4 стол. 1841 г. Л. 1–33; ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 3. Д. 103. Л. 42, 56; Д. 109. Л. 124–125, 131–131 об.; Д. 146. Л. 1–32 об.; Д. 163. Л. 1–43; Оп. 4. Д. 67. Л. 2 об. –3 об., 9–9 об.; Ф. 156. Оп. 25. Д. 47. Л. 15–21; Д. 200. Л. 82 об., 95 об.; Д. 290. Л. 19–23об.; Д. 291. Л. 19–27; Д. 397. Л. 37 об. –38, 51, 52; Д. 527. Л. 28–28 об., 43–43 об.; Ф. 152. Оп. 31. Д. 668. Л. 18, 21–21 об.; Список населенных мест Тобольской губернии. Л. CLXXXVII.; *Григорьев Д. Л.* Раскольническая часовня // ТЕВ. 1891. № 21–22. С. 475–483; *Он же.* Обращение мое из раскола в православие // ТЕВ. 1888. № 15–16. С. 325–333;

²⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 199. Д. 358. III отд. 4 стол. 1841 г. Л. 1–52; Оп. 200. Д. 1. 1849 г. Л. 1–61; Оп. 241. Д. 77. Л. 35–35об.; Ф. 381. Оп. 1. Д. 23416. Л. 4–10об.; Ф. 797. Оп. 70. Д. 150. II отд. 3 стол. Л. 5–5об.; ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 24. Д. 200. Л. 102 об.; Д. 397. Л. 31–32; 57–57 об.; Д. 565. Л. 88; Оп. 25. Д. 291. Л. 3об. –7; Д. 328. Л. 10об. –11; Оп. 1811 г. Д. 13. Л. 1–21; Ф. 329. Оп. 3. Д. 103. Л. 113–113 об.; Оп. 4. Д. 56. Л. 37 об., 118; Д. 64. Л. 40–40 об.

²¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 199. Д. 516. III отд. 4 стол. 1842 г. Л. 1–42; ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 51. Л. 59–60, 62–62об., 64; Д. 119. Л. 1–30; Д. 328. Л. 1–397; Ф. 329. Оп. 3. Д. 103. Л. 56, 113; Д. 136. Л. 1–18 об.; Оп. 4. Д. 8. Л. 1–10; Д. 56. Л. 28, 37; Д. 64. Л. 40, 55 и др.; * * *// ТЕВ. 1884. № 22. С. 519–522; *Тарасов М. М.* Из Тугулымского прихода (О новом пути к мошам Авраамия) // ТЕВ. 1885. № 6. С. 131–135; Раскольническая письменность как средство пропаганды и защиты раскола // ТЕВ. 1890. № 23–24. С. 512–519.

²² РГИА. Ф. 796. Оп. 173. Д. 1743. Л. 1–56; ТФ ГАТО. Ф. 156. Оп. 25. Д. 329. Л. 37.

²³ ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 544. Д. 103. Л. 1–410.

²⁴ Часовня инока Дорофея в Тюмени, молитвенный дом в д. Плоской Моревской волости, часовни в д. Шестаковой (Сусловой) Шмаковской волости, в д. Романовой Шмаковской волости, в с. Щучинского, в с. Нижне-Алабугского Курганского округа, в д. Середкиной Верх-Суерской волости, и молитвенный дом в д. Заложской Кизакской волости, часовни в с. Крутихинском Верх-Суерской волости, в д. Сосновке Новозаимской волости, в с. Кодском Ялуторовского округа, в д. Старорямовой Бердюжской

волости, в д. Окуневой Уктусской волости, в д. Сивковой Частоозерской волости, д. Травной Гагарьевской волости, в д. Яровской Казанской волости и в с. Теплодубровском Ишимского округа.

²⁵ В д. Плоской Моревской волости Курганского округа, в д. Кокушках Шороховской волости в 1845 г., д. Верхне-Мостовской в 1857 г. и в с. Онофриевском в 1849 г. Ялуторовского округа.

²⁶ Четыре молитвенных дома в Тюменском округе, молитвенный дом в д. Пашенке (Космаковой) Каменской волости Тюменского округа, часовня в д. Галишевой Меньшиковской волости Курганского округа, молитвенный дом д. Верхнемостовской Ялуторовского округа в 1849 г. и часовня в д. Ировской Абацкой волости Ишимского округа в 1809 г.

²⁷ РГИА. Ф. 797. Оп. 76. Д. 504. II отд., 3 стол. Л. 1–4; Ф. 1284. Оп. 185. Д. 40. Л. 433; Д. 42–43, 68, 72, 74, 78; Д. 93. Л. 447; Д. 95. V отд. 1 стол. Л. 137; ТФ ГАТО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 556. Л. 1–7; Д. 574. Л. 1–5; Д. 597. Л. 1–7; Д. 600. Л. 1–42; Д. 677. Л. 1–9; Д. 788. Л. 1–21; Д. 983. Л. 1–19; Д. 989. Л. 1–6; Д. 1074. Л. 1–14.

²⁸ ТФ ГАТО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 574. Л. 1–3; Д. 556. Л. 1–7 об., 3–4, 8.

²⁹ ТФ ГАТО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 600. Л. 1–1 об., 3, 11 об., 35–37.

³⁰ ТФ ГАТО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 677. Л. 1–4 об.

³¹ ТФ ГАТО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 1074. Л. 1, 5 об., 7.

³² В присутствии 42 человек, имеющих право голоса, из 111 человек, учредивших общину (что составляло 1/3 всех членов общины). Собрание открыл наставник Еремей Лазарев Терляев. На нем единогласно был избран председателем собрания местный крестьянин д. Михаил Кондратьев Петров, секретарем – крестьянин той же деревни Дорофей Петров Чередов. См.: ТФ ГАТО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 788. Л. 1–2 об., 8–11 об., 12–12 об., 13–16.

³³ ТФ ГАТО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 983. Л. 2 об., 9–10 об., 15–15 об.

³⁴ ТФ ГАТО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 989. Л. 1–4.

³⁵ Статистические сведения о старообрядцах (к 1 января 1912 г.) / Изд. Департамента духовных дел МВД. СПб., 1912. С. 1–3, 5–9, 11–17, 20–21.